

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О ПУТЯХ И ПРИНЦИПАХ ЕДИНЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Олег Иванович Сыромятников

доктор филологических наук
профессор кафедры русской литературы Пермского
государственного
национального исследовательского университета
член-корреспондент Петровской академии наук и искусств
614068, Пермский край, Пермь, ул. Букирева, 15
pani_perm@list.ru

Для цитирования: *Сыромятников О. И.* Ф. М. Достоевский о путях и принципах единения России и Европы // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 236–252. DOI: 10.31802/GB.2021.43.4.014

Аннотация

УДК 1(091) 130.2

В работе исследуются взгляды Ф. М. Достоевского на проблему исторической судьбы России. Писатель полагает, что основу русской культуры образует христианство. Оно определяет ценности и цели развития русского народа и связывает его со всем христианским миром. Однако в силу ряда причин христианство в Западной Европе постепенно деградировало, что привело к системному кризису, угрожающему существованию европейской цивилизации. Достоевский уверен, что помочь духовному возрождению Европы может только Россия, сохранившая в чистоте учение Христа.

Ключевые слова: русская философия, Ф. М. Достоевский, Россия, православие, русский народ, русская идея, Европа, цивилизация.

Dostoevsky on the Ways and Principles of the Unity of Russia and Europe

Oleg I. Syromiatnikov

Doctor of Philology

Professor at the Department of Russian Literature

at the Perm State National Research University

Corresponding Member of the Petrovsk Academy of Sciences and Arts

15, st. Bukireva, 614068 Perm, Russian Federation

pani_perm@list.ru

For citation: Syromiatnikov, Oleg I. "Dostoevsky on the Ways and Principles of the Unity of Russia and Europe". *Theological Herald*, no. 4 (43), 2021, pp. 236–252 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2021.43.4.014

Abstract. This paper investigates the views of F. M. Dostoevsky concerning the problem of the historical fate of Russia. The author believes that Christianity is the basis of Russian culture. It determines the values and the aims of development of Russian people and connects them with the whole Christian world. For a number of reasons, however, Christianity in Western Europe has gradually degraded, resulting in a systemic crisis that threatens the existence of European civilization. F.M. Dostoevsky is convinced that only Russia, having preserved the teaching of Christ in purity, can help Europe in its spiritual revival.

Keywords: Russian philosophy, F. M. Dostoevsky, Russia, Orthodoxy, Russian people, Russian idea, Europe, civilization.

Проблема исторической судьбы России была в центре внимания А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ф. И. Тютчева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьёва, В. В. Зеньковского, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и других мыслителей. В конце XX века появились тематические сборники «Русская идея» (1992, ред. М. А. Маслин), «Русская идея и её творцы» (1995, ред. А. В. Гулыга) и др. В настоящее время проблема исторической судьбы России (русская идея) является предметом рефлексии таких наук, как философия, история, культурология, социальная психология и других сфер социально-гуманитарного знания. Во многих исследованиях говорится об особом вкладе Ф. М. Достоевского в осмысление проблемы русской идеи. Об этом писали В. Е. Ветловская, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров, А. А. Горелов, А. В. Лесевицкий, С. А. Нижников, В. А. Тонких и др. исследователи. В большинстве этих работ отмечается оппозиция «Россия — Европа» во взглядах писателя, его неприятие многих констант западной духовной жизни. Нам представляется, что писатель не только видел действительные различия русской и европейской цивилизации, но и искал пути их сближения и взаимодействия.

Прежде всего, скажем, что Ф. М. Достоевский является автором термина «русская идея», впервые употребив его в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г.:

«Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной <...> Вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери»¹.

Есть все основания утверждать, что с этого времени всё творчество писателя — художественное, публицистическое, эпистолярное — стало единым процессом осмысления фундаментальных законов, управляющих судьбами России и Европы. С тех пор как люди стали сознавать себя как некую целостность — человечество, они пытались выразить это представление в каких-либо понятиях. Сегодня таким понятием стала глобализация, понимаемая как процесс и результат глубокой интеграции (а порой, более или менее полного слияния и поглощения) экономических и политических систем различных государств. Глобализация не является достижением нашего времени, стремление к единению запечатлелось в эпосах и пророчествах разных народов. Первым

1 *Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. I. С. 208.*

настоящим осуществлением этой мечты стало христианство. Оно превратило многочисленные разноязыкие племена от Атлантики до Каспия в единый народ. Однако через десять веков христиане Восточной и Западной Европы пошли разными путями, которые историософия XX в. назвала *русской* и *западной* идеями.

Западная идея представляет собой результат синтеза национальных идей различных европейских народов и является обобщённым выражением их роли в мировой истории, а *русская идея* выражает прежде всего смысл жизни русского народа, с которым связаны индивидуальные смыслы других славянских этносов. Своеобразие *русской* и *западной* идей определяется множеством факторов (исторических, географических, политических, экономических и пр.), главным из которых всегда был и остаётся фактор религиозный.

Христианство объединило восточнославянские племена и сделало их сначала русским народом, а затем и Российским государством. Соединившись с русским национальным характером, оно породило такие черты *русской идеи*, как *соборность*, *профетизм*, *мессианизм* и *миссионизм*, *эсхатологизм* и *апокалипсизм*. Все они нашли выражение в русской национальной культуре, которая говорит голосом литературы, а мыслит категориями философии. Подчеркнём: любая национальная идея (в том числе и русская) имманентна национальному сознанию и не является продуктом интеллектуальной деятельности. Напротив, утверждал В. С. Соловьёв, «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»^{2,3}. Философия выражает этот замысел в ясных понятиях и категориях, а литература — в художественных образах.

В 1838 году, в самом начале литературного поприща, Ф. М. Достоевский писал: «Поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии...»⁴. И действительно, вся русская литература, начиная с митрополита Илариона Киевского (XI в.), стремилась исполнить своё главное назначение — открыть и выразить в слове замысел Бога о России и русском народе. Итоги многовекового труда были подведены русской культурой XIX в., главное место в которой по праву принадлежит А. С. Пушкину. Он первым в русской литературе ясно и точно указал смысл исторического бытия

2 Курсив в цитатах всегда, кроме особо оговорённых случаев, принадлежит их автору.

3 Соловьёв В. С. Русская идея // Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С. 42.

4 Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. I. С. 54.

человека, поэта и всего народа — свидетельствовать об Источнике истины, добра, красоты и любви:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»⁵.

Вклад А. С. Пушкина в перевод *русской идеи* на язык художественных образов поистине велик: ему удалось показать черты *русской идеи* и типы русского национального характера; он впервые открыто сказал о феномене иррациональной ненависти правящих европейских элит к России («И ненавидите вы нас... За что ж?»⁶), а в цикле «Песни западных славян» (1835 г.) размышлял о духовном единстве славянских народов.

Оценивая вклад А. С. Пушкина в осмысление *русской идеи*, Ф. М. Достоевский сказал: «Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое»⁷, «Пушкин... Это начало и начальник славянофилов»⁸, «ПУШКИН — этот главный славянофил России»⁹. А поскольку к середине XIX в. *русская идея* стала предметом острой общественно-политической полемики, то о ней так или иначе говорили и другие русские писатели.

Заметим, что художественное осмысление *русской идеи* шло в неразрывной связи с развитием европейской и русской философии. Благодаря этому русская литература, оставаясь глубоко философской, раздвигала рамки категориальной предметности и умозрительной абстрактности, превращая открытия философии в живые, осязаемые образы. В результате вопрос об историческом призвании России, её месте и роли в мире всегда решался в единстве с вопросом о смысле жизни конкретного человека в реальном историческом времени и пространстве.

Судьба каждого русского человека неразрывно связана с судьбой всей России, всего русского народа, поэтому в русской литературе конкретный персонаж очень часто становится «типом» — обобщённым

5 Пушкин А. С. Пророк // ПСС. М.; Л., 1950. Т. II. С. 340–341.

6 Пушкин А. С. Клеветникам России // ПСС. Т. III. С. 222–223.

7 Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава вторая. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // ПСС. 1984. Т. 26. С. 136.

8 Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. // ПСС. 1980. Т. 21. С. 269.

9 Достоевский Ф. М. Записи к «Дневнику писателя» 1876 г. из рабочих тетрадей 1875–1877 гг. Записная тетрадь 1876–1877 гг. // ПСС. 1982. Т. 24. С. 276.

символом какой-либо значимой социальной группы, а иногда и всего народа. Этот художественный приём русская литература усвоила в европейской литературе¹⁰ и очень скоро превратила его из обычной метафоры (олицетворения) в особое изобразительное средство, способное не только показать внешний, предметный ряд бытия и выразить эмоциональные и рациональные процессы в сознании человека, но и раскрыть его духовный мир. Изображение человеческой личности в её духовно-душевно-телесном единстве стало главной задачей русской литературы. А поскольку все её творцы до 1917 г. (а некоторые — и позже) были носителями православного мировоззрения, постольку есть все основания говорить о *православной поэтике* как *совокупности средств художественного выражения православного мировоззрения*.

Основы православной поэтики были заложены древнерусской литературой, над её современными формами трудились А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, а создателем стал Ф. М. Достоевский. Всё творчество писателя последнего двадцатилетия его жизни представляет собой единый многожанровый *политекст*, основную идею которого составляет вопрос о том, как судьба конкретного человека связана с судьбой России. Основными частями этого политекста являются: художественное творчество, публицистика, эпистолярный корпус и дневниковые записи личного характера. Взаимодополнение ресурсов различных жанров позволило писателю максимально полно раскрыть содержание *русской идеи*, рассматривая её во внешнем (геополитическом) и внутреннем (отражающем российские проблемы) аспектах. Вся его публицистика направлена на всестороннее изучение различных граней *русской идеи*; очень эмоционально, а порой и предельно полемично о ней говорится и в не бытовой переписке писателя.

Взгляд Ф. М. Достоевского на внешний аспект *русской идеи* охватывает круг проблем, основу которых образует вопрос о причине духовного раскола христианской цивилизации и путях его преодоления. Писатель не может согласиться с мыслью о *естественной* автономии различных народов, а исходит из представления о существовании некоего первоначального духовного единства человечества, поэтому

10 Ср.: «Кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непочатых, бесконечных сил своих» (*Достоевский Ф. М.* Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы» // ПСС. 1980. Т. 20. С. 28–29).

он не придаёт ни *русской*, ни *западной идее* самостоятельного онтологического статуса, а рассматривает их как временное разъединение единого целого, ибо «все идут к одному и тому же, по крайней мере все стремятся к одному и тому же, от мудреца до последнего разбойника, только разными дорогами»¹¹.

Отметим важный методологический аспект. В оценке слов Ф. М. Достоевского всегда следует исходить из того, что они сказаны глубоко и сознательно верующим христианином¹² и отражают христианский тип мировосприятия. Главным в нём является то, что христианин представляет себе мир как неразрывное единство духовного и материального бытия при безусловной доминанте первого и верит, что именно целеполагание в духовной сфере определяет весь душевный, телесный и даже бытовой уклад жизни человека и народа, поэтому без знания православного вероучения хотя бы в том же объёме, в каком его знал сам писатель, правильно и полно понять сказанное им невозможно.

В 1839 г. Ф. М. Достоевский писал брату: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...»¹³. В совершенстве владея французским и немецким языками, Ф. М. Достоевский изучает национальные характеры европейских народов по их литературе, а позже — и в непосредственном общении. В разные годы жизни он неоднократно и подолгу жил в Европе (в Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии), внимательно наблюдая за жизнью европейцев. За внешними социально-политическими процессами писатель искал и находил глубинные, внутренние причины, главной из которых он считал продолжающееся отступление Европы от духовно-нравственных ценностей христианства, некогда положенных в основание её цивилизации. Достоевский писал:

«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твёрдо верил) практически её выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала пред христианством — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества

11 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г. Апрель. Глава вторая. Сон смешного человека. Фантастический рассказ // ПСС. 1983. Т. 25. С. 118.

12 «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя осанна прошла...», — сказано писателем накануне смерти (*Достоевский Ф. М.* Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // ПСС. 1984. Т. 27. С. 86).

13 *Достоевский Ф. М.* Письма 1832–1859 // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. I. С. 63.

(западная идея. — О. С.), из неё составила́сь его цивилизация, для неё одной лишь оно и живёт»¹⁴.

Однако первоначальное единство христианского мира было разрушено тем, что «римское католичество... когда надо было... не задумавшись, продало Христа за земное владение. Провозгласив как догмат, “что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы”, оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение¹⁵, на царства земные: “Всё сие отдам тебе, поклонися мне!”»¹⁶ Забвение Европой христианства привело к тому, уверен писатель, что в ней повсеместно происходит «воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом продажа истинного Христа за царства земные совершилась»¹⁷.

Результатом богоотступничества стало то, говорит Ф. М. Достоевский устами Дмитрия Карамазова, что в духовном смысле современная Европа представляет собой одно большое «кладбище... Всё это давно уже кладбище, и никак не более»¹⁸. Письма и дневники писателя раскрывают эту мысль: Германия — «изживший свои силы народ... мёртвый народ и без будущности»¹⁹, «Франция — нация вымершая и сказала всё своё»²⁰, а в Англии «то же самое, что и везде в Европе: страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни»²¹ и т. д.

Анализируя причины происшедшего, Ф. М. Достоевский находит сущностное отличие *русской идеи* от *западной*: «В восточном

14 Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Май–июнь. Глава третья. I. Германский мировой вопрос. Германия — страна протестующая // ПСС. 1983. Т. 25. С. 151.

15 Речь идёт о третьем искушении Христа: «Опять берёт Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: “Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”» (Мф. 4, 8–10).

16 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Март. Глава первая. V. Сила мертвая и силы грядущие // ПСС. 1981. Т. 22. С. 88.

17 Там же. С. 89.

18 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // ПСС. 1976. Т. 14. С. 210.

19 Достоевский Ф. М. Письма 1869–1874 // ПСС. 1986. Т. 29. Кн. I. С. 176.

20 Достоевский Ф. М. Записки к «Дневнику писателя» 1876 г. из рабочих тетрадей 1875–1877 гг. Записная тетрадь 1876–1877 гг. // ПСС. 1982. Т. 24. С. 272.

21 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Март. Глава вторая. I. Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки «начала конца» // ПСС. 1981. Т. 22. С. 95.

идеале — сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж... и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение, тогда как по римскому толкованию наоборот: сначала заручиться прочным государственным единением в виде всемирной монархии, а потом уж, пожалуй, и духовное единение под началом папы как владыки мира сего. С тех пор эта попытка в римском мире шла вперёд и изменялась непрерывно»²², породив империализм, протестантизм, атеизм, коммунизм и другие идеи, отравляющие и разлагающие духовные тела целых народов. В 1870 г. эту мысль поэтически выразил Ф. И. Тютчев:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
 Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
 Но мы попробуем спаять его любовью —
 А там увидим, что прочней...»²³.

В 1876 г., работая над очередным номером «Дневника писателя», Ф. М. Достоевский записывает: «Высшая нравственная идея, выработанная всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить. Но христианская правда, сохранившаяся в православии, выше социализма»²⁴. По сути, эти слова являются ответом на заданный Пушкиным в стихотворении «Клеветникам России» вопрос о причинах необъяснимой ненависти европейских элит к России. Ни на йоту не изменив первоначальному учению Христа, Россия невольно стала постоянным напоминанием Европе о её предательстве. Однако вместо покаяния и возвращения на истинный путь Западная Церковь пошла путём Каина. Об этом ясно свидетельствуют слова архиепископа Парижского М. Сибура, сказанные по поводу француско-английской интервенции в Крыму в 1853 г.: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь»²⁵ <...> укротить, сокрушить её. Такова признанная цель этого нового

22 Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Май–июнь. Глава третья. I. Германский мировой вопрос. Германия — страна протестующая // ПСС. 1983. Т. 25. С. 152.

23 Тютчев Ф. И. Два единства // Он же. Сочинения. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 384.

24 Достоевский Ф. М. Записи к «Дневнику писателя» 1876 г. из рабочих тетрадей 1875–1877 гг. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // ПСС. 1982. Т. 24. С. 185.

25 То есть православие.

крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом»²⁶.

Желание гибели другому — самое яркое свидетельство собственной духовной смерти. Своими силами, полагает Достоевский, Европа спастись уже не сможет, ибо вместо того, чтобы вернуться к Источнику жизни, она лишь создаёт всё новые и новые средства механического объединения людей на основе экономической, политической и иной целесообразности, конструируя фантомные теории естественного равенства людей, абстрактно-социального гуманизма и общечеловеческих ценностей. Эти паллиативы дают некий сиюминутный эффект, который со стороны может быть принят за панацею. Однако внешнее благополучие Европы не способно обмануть вдумчивого мыслителя. «Да и кто, — спрашивает Достоевский, — кроме отвлеченного доктринера, мог принимать комедию буржуазного единения, которую видим в Европе, за нормальную формулу человеческого единения на земле?»²⁷

На страницах августовского номера «Дневника писателя» за 1880 г. он обращается к таким «реформаторам», призывающим к построению «гражданского общества» в России:

«Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования... ибо оно несёт в себе всё... а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью “спасти животишки”? Ничего не получите, кроме нравственной формулы: “Chacun pour soi et Dieu pour tous”²⁸. С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживёт...»²⁹.

Ф. М. Достоевский решительно отвергает домыслы о возможности объединения людей на основе внерелигиозных ценностей:

«Общественных гражданских идеалов <...> не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих сами по себе <...> таких <...> которые могут быть взяты извне и пересажены на какое

26 Сараскина Л. И. Христос Достоевского в 1854 году // Достоевский и мировая культура. Альманах № 22. М., 2007. С. 106.

27 Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава третья. III. Две половинки // ПСС. 1984. Т. 26. С. 168–169.

28 Каждый за себя, а Бог — за всех (франц.).

29 Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава третья. III. Две половинки // ПСС. 1984. Т. 26. С. 164–165.

угодно новое место с успехом, в виде отдельного “учреждения”, таких идеалов, говорю я, нет вовсе, не существовало никогда, да и не может существовать! Да и что такое общественный идеал?.. Он есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц, с него и начинается, и что было так спокон века и пребудет во веки веков. При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, *ибо она же и создавала её*. Исходила же эта нравственная идея всегда... из убеждения, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию... и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность»³⁰.

Обращаясь к исторической судьбе Европы, Достоевский подчёркивает:

«Когда изживалась нравственно-религиозная идея в национальности, то всегда наступала панически-трусливая потребность единения, с единственною целью “спасти животишки” — других целей гражданского единения тогда не бывает. <...> Но “спасение животишек” есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца»³¹.

Страх перед неизбежной катастрофой толкает Запад на поиски средств, могущих принести быстрый и надёжный результат. Но в итоге все усилия направляются на устранение последствий, а не их причин и потому дают лишь краткий внешний эффект.

Евангельская мудрость гласит: «...если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14). Духовными слепцами Достоевский считает российских либерал-реформаторов, кумиротворящих европейскую цивилизацию:

«Вы <...> ищите спасения в вещах и в явлениях внешних: пусть-де у нас в России поминутно глупцы и мошенники <...> но стоит лишь пересадить к нам из Европы какое-нибудь “учреждение” и, по-вашему, всё спасено. Механическое перенесение к нам европейских форм (которые там завтра же рухнут), народу нашему чуждых и воле его не пригожих, есть, как известно, самое важное слово русского

30 Там же. С. 165.

31 Там же. С. 166–167.

европеизма»³². Либералы оправдывают свои действия тем, что эффективность этих механизмов доказана их применением на Западе. Достоевский полагает, что за этим кроется или непонимание происходящего или намеренный обман: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без Церкви и без Христа <...> с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан»³³.

По словам С. И. Фуделя, перед Ф. М. Достоевским «всегда было это видение умирания великой христианской цивилизации, и всегда он в страшной тревоге об этом говорил»³⁴.

Катастрофа неминуема, уверен Достоевский, потому что «не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор *все* гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой. Эта неестественность и эти “неразрешимые” политические вопросы... непременно должны привести к огромной, окончательной, разделочной политической войне», в результате которой «всё старое рухнет навеки. Волны разобьются лишь о наш берег»³⁵, ибо тогда только, въявь и воочию, обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского <...> А теперь-то вы <...> указываете нам на Европу и зовёте пересаживать к нам именно те самые учреждения, которые там завтра же рухнут как изживший свой век абсурд и в которые и там уже многие умные люди давно не верят»³⁶.

Это геополитическое предчувствие Достоевского нашло воплощение в художественной образности его произведений. В эпилоге «Преступления и наказания» читаем:

«Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи,

32 Там же. С. 167.

33 Там же.

34 Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 32016. С. 161.

35 Прямая аллюзия к творчеству Ф. И. Тютчева, которое Ф. М. Достоевский знал, любил и неоднократно цитировал. См.: «Море и утёс» (1848 г.).

36 Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава третья. III. Две половинки // ПСС. 1984. Т. 26. С. 168.

одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовёт, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремёсла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибло»³⁷.

Подобные картины писатель создаёт и в романе «Бесы» (1873 г.), и в рассказе «Сон смешного человека» (1877 г.), от них веет ужасом и безнадёжностью. Однако цель Достоевского состоит не столько в том, чтобы напомнить, что неминуемо ожидает человечество, отвернувшееся от Бога, сколько в том, чтобы указать ему путь спасения. Поэтому финалы «Преступления...», «Сна...» и даже «Бесов» наполнены христианским оптимизмом и показывают возвращение гибнущего человечества к Свету и Жизни.

Православный гуманизм Ф. М. Достоевского проявляется в убеждении в том, что человеку, сотворённому по образу и подобию Бога³⁸, недостойно пассивно ждать наступления зла. И пусть сейчас, говорит писатель, христианства в Европе нет, она «сделала много христианского <...> Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много

37 *Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. 1973. Т. 6. С. 419–420.*

38 *«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему...» (Быт. 1, 26).*

извращённого понимания христианства»³⁹. Достоевский верит, что наступит момент, когда европейское человечество осознает всю гибельность избранного пути и начнёт искать настоящего спасения: «Тут-то мы и встретимся с Европой... то есть разрешится вопрос: Христом спасется ли мир или совершенно противоположным началом, то есть уничтожением воли, камнем в хлебы»⁴⁰.

Взгляды Ф. М. Достоевского на *русскую идею* нашли наиболее полное выражение в речи, произнесённой им в 1880 г. на торжествах, посвящённых восьмидесятилетию со дня рождения А. С. Пушкина:

«Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел (русская идея. — О. С.) и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»⁴¹.

Всей своей историей Россия доказала верность этому призванию, «ибо, что делала Россия во все эти два века <...> как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?»⁴² И в будущем, уверен писатель, Россия должна быть готова вновь помочь Европе и спасти от порождённой ею же скверны, вернуть «утраченный образ Христа», который «сохранился во всем свете чистоты своей в православии» и «вместить в свою русскую душу, всечеловечную и всесоединяющую, с братскою любовью всех наших братьев <...> и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону!»⁴³ Думается, эти слова позволили прп. Иустину (Поповичу) назвать Ф. М. Достоевского «бесстрашным православным апостолом, пророком, философом и поэтом»⁴⁴.

39 *Достоевский Ф. М.* Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // ПСС. 1984. Т. 27. С. 57.

40 *Достоевский Ф. М.* Записи к «Дневнику писателя» 1876 г. из рабочих тетрадей 1875–1877 гг. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // ПСС. 1982. Т. 24. С. 185.

41 *Достоевский Ф. М.* «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава вторая. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // ПСС. 1984. Т. 26. С. 147.

42 Там же. С. 148.

43 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 год. Ноябрь. Глава третья. I. Толки о мире. «Константинополь должен быть наш» — возможно ли это? Разные мнения; «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава вторая. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // ПСС. 1984. Т. 26. С. 85, 148.

44 *Иустин (Попович), прп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск, 2007. С. 311.

Важным аспектом историософии Ф. М. Достоевского является вывод о том, что не только единство всего человечества, но даже локальную социальную гармонию в пределах одной страны невозможно построить по приказу или воплотить как инженерный проект. Это произойдёт только тогда, когда люди поймут, что у них один Отец, и захотят исполнить Его волю и *возлюбить ближнего своего, как самого себя* (Мф. 22, 37–39). Дети одного отца — братья, и когда люди поймут это, говорит Ф. М. Достоевский, то «будет и братство. Если же нет братьев, то никаким “учреждением” не получите братства»⁴⁵. Эти слова в полной мере относятся не только к католическим и протестантским народам Европы, но и к православным европейским славянам. Ф. М. Достоевский с глубокой скорбью замечает, что они стали выше братства ценить собственную независимость, горделиво стремясь возвыситься над всем остальным славянским миром, поэтому, говорит писатель,

«не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными!»⁴⁶

Они ещё «долго <...> не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нём, коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии»⁴⁷.

Писатель предупреждает:

«России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобождённые славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества»⁴⁸.

45 *Достоевский Ф. М.* «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Глава третья. III Две половинки // 1984. Т. 26. С. 167.

46 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 год. Ноябрь. Глава вторая. III. Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать // ПСС. 1984. Т. 26. С. 78.

47 Там же. С. 79.

48 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 год. Ноябрь. Глава вторая. III. Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать // ПСС. 1984. Т. 26. С. 80.

Уже во времена Ф. М. Достоевского отношение к национально-освободительному движению славянских народов Европы было неоднозначным. Писатель обращается к тем, кто выступает за невмешательство России в этот процесс, говоря, что цель России, её историческое призвание заключается в том, «чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племён, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорытием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского... призвания» России⁴⁹. Достоевский напоминает важнейший духовный закон, управляющий судьбами народов:

«Если нации не будут жить высшими, бескорытными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим “интересам”, то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство своё новое целительное слово человечеству...»⁵⁰.

Любовь Достоевского к России и вера в её будущее никогда не была слепой, что хорошо видно из его художественных произведений и публицистики, множество страниц которых посвящено проблемам духовного регресса российского общества, росту преступности, пьянства и других пороков. Но писатель всегда видит за социальным явлением действие фундаментальных духовных законов:

«Могуча Русь, и не то ещё выносила. Да и не таково назначение и цель её, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры её не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она всё решительно <...> и останется в сути своей такою же прежнюю, святою нашей Русью, как и была до сих пор, и, сколь ни изменился бы, пожалуй, облик её, но изменения облика бояться нечего, и задерживать, отдалять вопросы вовсе не надо: кто верит в Русь, тому даже стыдно это. Её назначение столь высоко, и её внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно (особенно теперь, в нашу эпоху, в теперешнюю

49 Там же. С. 81.

50 Там же. С. 81–82.

минуту главное), что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений»⁵¹.

Библиография

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972–1990.
- Иустин (Попович), прп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Изд. Д. В. Харченко, 2007.
- Пушкин А. С.* Пророк // Полное собрание сочинений в десяти томах. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. Т. II. С. 340–341.
- Пушкин А. С.* Клеветникам России // Полное собрание сочинений в десяти томах. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. Т. III. С. 222–223.
- Сараскина Л. И.* Христос Достоевского в 1854 году // Достоевский и мировая культура. Альманах № 22. М., 2007. С. 85–111.
- Соловьёв В. С.* Русская идея // Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 42.
- Тютчев Ф. И.* Два единства // Он же. Сочинения. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 384.
- Фудель С. И.* Наследство Достоевского. М.: Русский путь, ³2016.

51 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 год. Июль–август. Глава первая. I. Разговор мой с одним московским знакомым. Заметка по поводу новой книжки // ПСС. 1984. Т. 26. С. 174–175.